

Молохов М. А.

24/III 85

Владимир УСПЕНСКИЙ

Сов. Россия - 1989 - 27 авг. - с. 4.

Отрывок из романа

ВЕШЕНСКОЕ ДЕЛО

В прошлом году в журнале «Простор» была опубликована первая книга романа Владимира Успенского «Тайный советник вождя». Едва выйдя в свет, уже первые части романа сразу попали в поле зрения литературной критики и читателей и вызвали противоречивые суждения. Роман тем не менее пользуется большим читательским спросом.

Герой-повествователь В. Успенского, названный именем Николая Александровича Лукашова, в жизни имеет реального прототипа. В прошлом царский офицер, этот человек с 1918 по 1953 год был советником Сталина. Именно его имел в виду Н. С. Хрущев, говоря о том, что Сталин, уничтожая рабочих и крестьян, пригрозил царского офицера, случайно встретившегося ему в боях за Царицын. Передоверив право рассказчика своему герою, автор пытается объективно разобраться в логике противоречивых поступков Сталина и людей из его ближайшего окружения.

Сегодня мы воспроизводим по просьбе читателей отрывок из второй книги В. Успенского, которая полностью публикуется в журнале «Простор». Отрывок привлёк нас тем, что дополняет представления о драматических страницах в биографии М. А. Шолохова.

...М ЕНЯ нетрудно обвинить во всех грехах. Одни могут сказать, что Лукашов превозносит коварного, жестокого деспота Сталина; другие же, наоборот, будут утверждать, что сочинитель охаживает мудрого вождя и полководца. А ведь я ни той, ни другой крайности не желаю, рассказываю лишь о своих впечатлениях. Жизнь — это единый, сложный поток, вмещающий в себя множество переплетающихся струй — человеческих судеб, и далеко не всегда можно отделить хорошее от плохого, добро от зла. Тем более что хорошее для одного может оказаться плохим для другого. Главное — я писал от души и готов принять любые укоры за исключением двух. Никто не имеет права упрекнуть меня в отсутствии любви к России или в утрате веры в социализм. На такие выпады я скажу вот что.

Глубоко сомневаюсь в искренности людей, которые к месту и не к месту восхваляют существующий строй, питая руководящие указания вышестоящих товарищей. Такие люди всячески воспевают Сталина, потом первыми же отвернулись от него и принялись воспевать потрясающие достоинства Хрущева. А затем, плюнув ему вслед, начали восхищаться Брежневым. Нет, не для страны они так стараются, не для социализма, а токмо для своего удобства, ради собственного благополучия. Куда полезнее было бы всегда открыто говорить о том, что наболело, что мешает, требует переделки. И не только говорить, но исправлять. Однако сие — трудно, сопряжено с неприятностями, с возможными гонениями. А восторгаться — и проще, и выгодней!

Не надо бояться соли на собственных ранах. Забудешь о прошлой боли — станешь бесчувственным. Запомняешь горький опыт — набеешь новые синяки. Прошлое надо анализировать, брать лучшее и, опираясь на это лучшее, двигаться вперед, не повторяя ошибок.

...Из всех поручений Сталина, которые мне довелось выполнять, визиты на Лубянку, особенно в камеру пыток, были самыми тяжелыми. Я и сейчас содрогаюсь, вспоминая о них. Не стану приводить подробности, но и обходить молчанием эти факты нельзя...

Почему я, выйдя после первого посещения Лубянки в полубомбочном состоянии, не отказался от дальнейшего участия в проверках? Да потому, что рассчитывал хоть чем-то помочь несчастным, поддержать их душевные силы, вселить надежду. Я общался с ними, говорил им, чтобы терпели, не возводили на себя напраслины, не подписывали фальсифицированных показаний. Например, говорил об этом

бывшему начальнику артиллерии 25-й стрелковой Чапаевской дивизии Н. М. Хлебникову, у которого были изуверены палачами пальцы. И комкору М. Ф. Букштыновичу, совершенно белому, как полотно, то ли от потери крови, то ли от нервного перенапряжения. При этом слова мои были адресованы не только страдалцам, но и косвенно их мучителям. Я уйду, омерзительные каты опять останутся наедине с арестованными — это верно, однако каждый подумает: а вдруг Сталин поверит в невиновность этих командиров, прикажет освободить их, что тогда? Как отплатят они за зверские муки? Вот на этот психологический момент я рассчитывал. И, хотелось бы думать, не без успеха. Выдержал же Константин Рокоссовский все угрозы и муки, не подписал клевету, возведенную на него, и в сороковом году, незадолго до войны, получил свободу. Но не каждый мог перенести пытки, да ведь и «профессиональный уровень» палачей был различным.

Не знаю, помогла ли Хлебникову и Букштыновичу моя поддержка или сами они, люди большой воли, сумели выстоять, не «признаться» в том, чего не было, — во всяком случае тот и другой оказались на свободе. Причем Михаил Фомич Букштынович сыграл заметную, особую, я бы сказал, удивительную роль на завершающем этапе войны. Но об этом — в свое время...

В САМОМ конце октября 1938 года состоялось расширенное заседание Политбюро, на которое по поручению Сталина меня пригласил его помощник.

— Какой вопрос? — заинтересовался я.

— НКВД, — коротко ответил помощник, — когда по телефону не вдававшийся в подробности.

На этот раз — не мое ведомство, чужая епархия, но либо я понадоблюсь Иосифу Виссарионовичу, либо он считает, что я должен получить некую информацию, быть осведомленным.

Кроме членов Политбюро, присутствовало довольно много людей. За длинным столом сидели тесно, плечо в плечо. Возле Ежова — человек пять или шесть, кто в форме, кто в гражданском, но явно провинциалы, встревоженные и взволнованные тем, что оказались в Кремле, на самом вершине. Против них — Л. М. Каганович, контролировавший и направлявший в ту пору деятельность НКВД.

Хмурился, потирая высокий лоб, писатель Михаил Александрович Шолохов. Он-то, как выяснилось, и был «возмутителем спокойствия». Рассматривалось так называемое «дело Шолохова». После войны, после смерти Сталина, оно получило широкую известность, упоминается в шолоховской переписке, подробно изложено в воспоминаниях бывшего секретаря Вешенского райкома партии П. К. Лугового. Поэтому я не буду вдаваться в детали, а упомяну лишь то, что необходимо для уяснения сути.

В 1937 году было арестовано руководство Вешенского района во главе с первым секретарем райкома, семь или восемь человек. Обвинение стандартное — «враги народа». И участь ждала их соответствующая: расстрел или лагерь. Но тут поднялся на дыбы Шолохов. Поехал в Москву, добился встречи со Сталиным, принялся доказывать, что вешенские товарищи — верные коммунисты, преданные делу партии. Все они — его друзья. Если они враги народа, то и он тоже.

Выслушав горячие слова писателя, Сталин позвонил Ежову и попросил его лично разо-

браться с делом арестованных вешенцев. И к тому же, для объективности, встретиться с арестованными в присутствии Шолохова. Тем самым Сталин ясно выразил свое отношение... Ну а результат был такой: все обвинения рассыпались, как картонный домик, они были или подтасованы, или «выбиты» на допросах. Все товарищи были освобождены и полностью реабилитированы — Петр Луговой опять занял должность первого секретаря райкома.

Казалось бы — все в порядке. Ан нет, самолюбие Ежова было крепко ущемлено. По существу он дважды расписался в ошибках двух организаций, которыми руководил. Как нарком внутренних дел, были арестованы невинные люди, обвинение против которых составляли сомнительными способами. Пришлось признать это и извиниться. Второе: как секретарь ЦК ВКП(б) и председатель Комиссии партийного контроля он допустил неправильное исключение коммунистов. И вынужден был лично подписать бумагу о восстановлении их в рядах партии и еще раз принести свои извинения. И это он, человек, обладающий почти неограниченной властью, по одному слову которого расстреливали тысячи людей! Разве не обидно, не оскорбительно для него фактически дважды плюнуть в собственную физиономию! А кто виноват? Писатель, бумагомарача, не имеющий ни должностей, ни званий. Подумаешь, книгу сочинил! Еще не известно, польза или вред для Советской власти от этого самого «Тихого Дона».

Ненависть Ежова была так велика, что он решил уничтожить, стереть в порошок писателя, осмелившегося встать у него на пути. Средства для этого имелись испытанные. Начальник Ростовского областного управления НКВД получил указание собрать материал на Лугового и главным образом на Шолохова. Он, мол, является руководителем повстанческих отрядов на Дону, у него в доме собираются командиры повстанческих групп, обсуждают планы свержения Советов. Конкретно этой «работой» занялись сорудники областного аппарата НКВД Коган и Шевелев, а также сорудники районного отделения внутренних дел. Избивая арестованных казаков, угрожая им оружием, добывали показания против Шолохова. Более того, Коган направил в Вешенскую своим агентом инженера Ивана Погорелова, бывшего комсомольского работника, орденосносца. До этого его выгнали с работы, ему грозило исключение из партии, арест, но ему было сказано: соберешь данные против Шолохова — снимем с тебя подозрения.

Погорелов действительно вошел в доверие к Луговому и Шолохову, часто бывал у писателя дома, мог бы стать веским «свидетелем» против него. Но честный был человек совесть заела. Пришел к секретарю райкома, выложил правду. Тот понял, какай угроза нависла над Михаилом Александровичем, над ним самим, над теми, кто недавно был освобожден и оправдан. Упекут в тюрьму, состряпают дело, потом попробуй докажи, что невиновен.

Луговой с Погореловым отправились к Шолохову. Доклавшись ночи, они на машине писателя, никому ничего не сказав, вместе с Михаилом Александровичем выехали в Москву. Их пытались перехватить по дороге, но не смогли.

В столице Шолохов добился встречи со Сталиным и имел с ним продолжительную беседу, отнюдь не по вопросам художественного творчества. Просил оградить его и вообще честных людей, коммунистов от клеветы и преследования.

И вот — заседание Политбюро. Были приглашены работники Ростовского областного

НКВД и Вешенского районного отделения. Здесь же находились Погорелов и Луговой. Можно было бы удивиться, зачем Сталин собрал столько людей, зачем ему понадобился спектакль со многими действующими лицами, если он мог решить вопрос одним своим словом, одним телефонным звонком, но я не удивился: я слишком хорошо знал Сталина и с самого начала заседания понял, какие серьезные последствия оно будет иметь.

Представитель Ростовского НКВД начал пространно докладывать о том, как плохо работает Вешенский райком партии. Луговой возразил ему: район считается одним из лучших на Дону... Борьба сторон шла на равных, но вот Молотов подал реплику: почему в области пять тысяч арестованных коммунистов, почему не разбираются с ними, не выпускают невинных, а, наоборот, арестовывают новых и новых? Что, в области все коммунисты — враги народа?

Такой вопрос Молотов мог задать наверняка лишь с подачи Сталина.

Атмосфера сгустилась. Иосиф Виссарионович остановился возле Когана. Тот вскочил, под пристальным взглядом Сталина лицо его стало меловым.

— Скажите, вы получали указания оклеветать товарища Шолохова?

— Да, получал.

— Вы засылали к товарищу Шолохову в качестве доносчика и провокатора находящегося здесь Погорелова?

— Да, засылал.

— Вы угрожали на допросах оружием, добиваясь клеветнических показаний против товарища Шолохова?

— Да, угрожал, — как заведенный обреченно повторял Коган.

— Кто давал такие распоряжения?

— Начальник областного НКВД товарищ Григорьев, — голос Когана дрогнул. — Эти распоряжения были согласованы с товарищем Ежовым.

— Нет! — поднялся Ежов. — Я ничего не знаю об этом!

— Может, у вас очень короткая память, товарищ Ежов? — перевел на него отяжелевший взгляд Сталин. — У нас есть возможность ее освежить. Вы практически возглавляли Ростовскую партийную организацию. Николай Алексеевич, — повернулся он ко мне, — сколько военных работников арестовано за последний год?

— С мая прошлого года, со дня процесса над группой Тухачевского, — сорок тысяч человек.

— Вы слышали, товарищи, сорок тысяч! — воскликнул Сталин, словно впервые услышав эту цифру. — Это не борьба за чистоту рядов, это огульное избиение кадров. Я подозреваю, что к военным работникам применялись те же методы, что и в Ростове. Из них вышибали показания, которые нужны были Ежову. Во всем этом надо глубоко разобраться...

Не знаю кому как, а мне стало ясно: песенка Ежова спета. Может, еще и побултыхается на поверхности какое-то время, но он обречен. Устроив этот спектакль, Сталин достиг нескольких целей. Выдающийся советский писатель воочию убедился, как тщательно и объективно разбирает Политбюро сложные вопросы, как заботится о людях, о справедливости сам Сталин.

Еще вот что. Ежов, конечно, допустил грубейшую ошибку, из числа тех, которые не прощались Сталину. Он уже один раз выступил в защиту Шолохова и его друзей. Выбор Сталина был ясен. А Ежов, ослепленный злобой, опьяненный властью, решил поступить по-сво-

ему, выбрал окольный путь, чтобы расправиться с Шолоховым. Не посчитался с мнением Сталина, вышел из подчинения и тем самым вынес себе приговор. Да и вообще пора было убирать Ежова, он слишком много знал, слишком одиозной стала эта фигура. Его называли «кровавым карликом». Он сыграл свою роль, хватит.

Скорее Ежов был арестован вместе со своими многочисленными соратниками и помощниками. Почти все они были расстреляны.

В ДЕКАБРЕ 38-го Народный комиссариат внутренних дел возглавил Лаврентий Берия. О его делах речь впереди, а сейчас хочу сказать вот о чем. У меня сложилось впечатление, что Сталин с самого начала не был полностью убежден в виновности Тухачевского, Уборевича, Якира и других военных руководителей. Его одолевали сомнения. Вспоминается такой факт. В Кремле состоялось совещание высшего состава РККА, на котором обсуждался процесс по делу изменников Родины. Присутствовали командиры, недавно вернувшиеся из Испании. Почти все выступавшие говорили о бдительности, о том, что они подозревали тех, кто теперь осужден.

Но вот слово дали Кириллу Афанасьевичу Мерцкову. Все присутствовавшие, в том числе и Сталин, хорошо знали, что Мерцков долго служил вместе с Уборевичем. Ждали, что Мерцков начнет каяться, рассказывать о своем недоверии к Уборевичу и так далее. А он заговорил о другом, о боевом опыте, который получен в Испании и требует обобщения и распространения. В зале раздавались недовольные реплики, кто-то крикнул: «Говори о главном!» — а Кирилл Афанасьевич продолжал развивать свою тему. Обстановка накалялась. Вмешался Сталин, спросив Мерцкова, как он относится к повестке дня совещания? А Кирилл Афанасьевич ответил такими словами:

— Удивляюсь товарищам, которые говорили здесь о своих подозрениях и недоверии. Если они подозревали, то почему раньше молчали? Это странно. А я Уборевича ни в чем не подозревал, безоговорочно ему верил.

Зал замер: все, конец Мерцкову! А Сталин произнес:

— Мы тоже верили. Вы честный человек, товарищ Мерцков, и я вас правильно понял. А ваш испанский опыт не пропадет, вы получите более высокое назначение.

И действительно — получил. Вот ведь как обернулось! А после ареста Ежова Сталин приказал тщательно расследовать, как готовился процесс над группой Тухачевского — Уборевича. Были допрошены все, кто вел следствие, кто имел отношение к суду. Сразу выяснилось, что арестованные подвергались пыткам, что признания были вырваны силой, в них много путаницы, что ни один пункт обвинения фактически не доказан. (Документы «Абвера», полученные через Бенеша, при этом не упоминались). Расследование показало, что все выдвинутое против Тухачевского и Уборевича — подтасовка и ложь, что преступники не они, а те, кто готовил процесс. Их, этих преступников, следователей ежовского клана, судили и ликвидировали. Но, увы, при этом пострадавшие военачальники не были оправданы, реабилитированы. Почему? Может, на Сталина продолжало влиять досие «Абвера»? Или не хотел признавать, что допустил непростительную ошибку? Сталин — не ошибается! В политике ведь так: выбирают вариант, который не обязательно справедлив, но обязательно выгоден.